

«УЖАСНЫЙ КРАЙ ЧУДЕС!...»

По следам кавказских путешествий
А. С. Пушкина

Впервые побывав на Горячих Водах, двадцатилетний Пушкин задумал поэму «Кавказский пленник». Дальнейшая судьба поэта вполне отчетливо показала, что кавказским пленником оказался, в сущности, он сам. «Ужасный край чудес», как писал он о Кавказе, надолго, если не навсегда завладел его творческим вниманием. Транскавказский вояж 1829 года принес поэту новые впечатления и новые замыслы. Автор предпринял попытку высветить лишь отдельные грани этой безмерной темы — безмерной, как и все, к чему прикасался пушкинский гений.

«Мстислава древний поединок...»

«Неразумные», если верить Пушкину, хазары занимали когда-то обширные территории, захватывая при этом и прикаспийские области Северного Кавказа. Простирался ли столь далеко праведный гнев Олега, сказать теперь трудно. Продолжатель его мстительной исторической миссии Святослав разрушил на Дону хазарскую крепость Белую Вежу. Еще дальше в неудержимом стремлении на юг продвинулся с дружиной князь Мстислав — внук Святослава и герой задуманной, но неосуществленной поэмы Пушкина.

Напомним читателю, что первая, нечаянная поездка поэта к «пределам Азии» подарила России «Кавказского пленника». Заряд впечатлений, полученный Пушкиным под сенью Бештау и Эльбруса, не был исчерпан этой поэмой. В ее эпилоге, рисуя фантастический полет своей музыки на Кавказ, он намечает круг тем, которые могли еще вылиться из-под его пера в виде новых творений:

Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок...

Николай Васильевич Маркелов — главный хранитель Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова. Член Союза писателей России. Автор восьми книг и более 600 публикаций о русских писателях на Кавказе и событиях Кавказской войны XIX века (журналы «Дон», «Московский журнал», «Новый мир», «Родина», «Рубеж» и др.). Лауреат премии журнала внутренних войск МВД Российской Федерации «На боевом посту» (1995). Лауреат премии имени Германа Лопатина Ставропольской краевой организации Союза журналистов России (1998). Лауреат премии губернатора Ставропольского края в области литературы имени А. Т. Губина (2004, 2017). Лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2012). Живет в Пятигорске.

В примечаниях к поэме Пушкин счел необходимым сделать пояснение: «Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. *Ист. Гос. Росс. Том II*».

Последуем пушкинскому совету и обратимся к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В разделе, посвященном событиям 1022 года, историк пишет: «Через несколько лет Мстислав объявил войну касогам или нынешним черкесам, восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством. „Начто губить дружину?“ сказал он Мстиславу: „одолей меня, и возьми все, что имею: жену, детей и страну мою“. Мстислав, бросив оружие на землю, схватился с великаном. Силы князя Российского начали изнемогать: он призвал в помощь Богородицу — низвергнул врага и зарезал его ножом. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство княжеское и наложил дань на подданных»¹.

Здесь Карамзин передает события так, как они изложены в первом общерусском летописном своде — «Повести временных лет», составленной на основе более ранних летописей, преданий, повестей и сказаний — исторического, а иногда и сказочного характера. «Повесть» приводит еще и ту подробность, что Мстислав, обратившись в роковой миг к помощи Богородицы, обещает построить церковь во имя ее («О пречистая богородице! помози ми; аще бо одолею сему, съзижу церковь во имя твое»). Одержав верх в поединке, князь выполнил свое обещание («И приедь Тмутороканю, заложи церковь святая богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тмуторокани»)².

Так же и безвестный автор «Слова о полку Игореве» отдал дань памяти «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предь пълкы касожькыми».

Расскажем подробнее о русском витязе, чей образ будоражил поэтическое воображение Пушкина.

Мстислав Храбрый (или Удалой) — внук киевского князя Святослава, сын Владимира Святого и младший брат Ярослава Мудрого. Получил в княжение Тмутаракань и в 1022 году совершил поход «на касоги», который и окончился счастливым для него поединком с касожским князем Редедю. В 1023 году, по словам летописца, «поиде Мстислав с козары и с косаги на великого князя Ярослава»³ (козары — хазары, а касогами русские летописи называли черкесов). Под Лиственном (недалеко от Чернигова) на берегах реки Руды он разбил своего старшего брата Ярослава, но потом заключил с ним соглашение, по которому оставил за собой все земли к востоку от Днепра. «Искреннее согласие двух государей российских, — сообщает Карамзин, — продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей князь, прозванный Удалым, не испытал превратностей воинского счастья: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостью к народу и любовью к верной дружине; веселился и пировал с нею подобно великому отцу своему, следуя его правилу, что государь не златом наживает витязей, а с витязями злато. Он поднял меч на брата, но загладил сию жестокость, свойственную тогдашнему веку, великодушным миром с побежденными, и Россия обязана была десятилетней внутренней тишиною счастливому их союзу, истинно братскому. — Памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм Богоматери в Тмутаракане, созданный им в знак благодарности за одержанную над касожским великаном победу, и церковь Спаса в Чернигове, заложенная при сем князе: там хранились и кости его в Несторово время. Мстислав, по словам летописи, был чермен лицом и дебел телом; имел также необыкновенно

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. — СПб., 1842. Кн. 1. Т. 2. Гл. 2. С. 11.

² Гудзий Н. К., сост. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. — М., 1947. С. 98.

³ Полное собрание русских летописей. — Пг., 1921. Т. 24. С. 50.

большие глаза. Он не оставил наследников: единственный его сын, Евстафий, умер еще за три года до кончины родителя»⁴.

В период княжения Мстислава его столица Тмутаракань стала крупным городом с мощными крепостными стенами и выстроенными им каменными церквями. В современной историографии утвердилось мнение, что поединок князя с Редедей «был ритуальным. „Божий суд“ передал власть Мстиславу над всеми зихско-касожскими объединениями. Мстислав стал не только тмутараканским князем, но и касожско-зихским сувереном, главой адыгских групп, оседавших в городе и его ближайшей округе, светским главой находившейся в Тмутаракани зихской епархии. После этого поединка в дружинной среде Мстислав назван Храбрым, в посадской среде — Удалым, в церковно-монашеской Лютым... Дань, которую наложил Мстислав на касогов, по существу являлась податью и состояла в основном из продуктов местного земледелия»⁵.

Известно также, что Мстислав с дружиной совершил два военных похода в Закавказье — в Ширван. Спустившись на ладьях по Куре и вдоль берега Каспийского моря, он достиг стен Баку, однако крепость взять не смог.

Имя касожского князя Редеди встречается в русских летописях. В Родословных книгах сказано, что Мстислав, убив его, взял двух его сыновей, крестил и назвал одного Юрьем, а другого Романом. За последнего выдал свою дочь. Так кровь Редеди, пролитая некогда Мстиславом, смешалась с кровью русских князей и бояр.

Теперь обратимся к источникам противоположной стороны — в данном случае к «Истории адыгейского народа» кабардинского просветителя и поэта Шоры Ногмова. Щедро одаренный природой, он имел склонность к изучению языков. И чем больше узнавал чужие, тем лучше понимал особенности родного. Он устремлял взор в исторические потемки в надежде постичь прошлое своего народа и с не меньшей надеждой трудился над грамматикой кабардинского языка, мечтая видеть в будущем свой народ свободным и просвещенным. Мы скажем несколько слов об этом замечательном человеке, что нам представляется нелишним, поскольку существует предположение о его личном знакомстве с Пушкиным. Кроме того, высказывалось и еще более смелое суждение, что именно Ногмов послужил прообразом пушкинского Тазита.

Год рождения его точно не известен, исследователи расходятся во мнениях от 1794-го до 1801 года. Место рождения — родовой аул на реке Джуце в окрестностях Пятигорска. Отец Шоры в довольно сложной сословной системе кабардинцев считался «уорком», то есть узденем второй степени, или, по нашим понятиям, мелким дворянином. Первоначальное мусульманское образование Шора получил в медресе дагестанского селения Эндери, где познакомился с основными восточными языками. Некоторое время исполнял обязанности мулы в родном ауле, но вскоре отказался от духовной деятельности, предпочтя службу переводчиком в 1-м Волжском полку.

В дальнейшем Шора жил в Аджи-Ауле близ горы Бештау, а в 1828 году переехал с семьей «из-под Бечтовых гор» в селение Кармово на Малке (ныне Каменноостское). Потом два года учительствовал в школе аманатов (детей-заложников) в Нальчике. Последующие события круто изменили его жизнь: с 1 апреля 1830 года Ногмов числится оруженосцем (то есть рядовым) лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона в Петербурге. Для характеристики этого особого отряда приведем выдержку из книги «Исторические сведения о кабардинском народе», принадлежащей перу В. Н. Кудашева: «В 1828 году был сформирован, по высочайшему повелению, лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон из высших представителей кавказских горцев. Главную целью учреждения полуэскадрона было, конечно, создать известную своеобразную

⁴ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 13–14.

⁵ Алексеева Е. П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV вв. в отечественной исторической науке. — Черкесск, 1992. С. 73–74.

обстановку при государе. Но учреждением полуэскадрона из горцев преследовались и некоторые просветительные цели. Имелось в виду, что горцы, после пребывания в Петербурге, понесут культуру и на родину»⁶.

Ногмов, разумеется, не первый кабардинец на русской военной службе. Так, князь Измаил Атажуков был полковником, а черкес Султан Казы-Гирей (сослуживец Шоры по Кавказскому полуэскадрону и автор двух повестей, помещенных Пушкиным в «Современнике») достиг звания генерал-майора. Сам Ногмов военной карьеры не сделал. Участвуя в польском походе 1831 года, имел отличия, а в феврале 1832 года получил первый офицерский чин корнета. Еще через три года был переведен в Отдельный Кавказский корпус поручиком кавалерии и служил сначала в Тифлисе, а потом пять лет в Нальчике секретарем кабардинского временного суда. С увольнением от этой должности в 1843 году был произведен в штабс-капитаны.

Трудолюбие и усердие Шоры по службе не раз отмечалось начальством. Внутренний же смысл его жизни и главное направление его умственной деятельности заключались вовсе не в служебной карьере. В Петербурге он углубил свои познания в различных языках, работая над осуществлением своей заветной мечты — созданием первой кабардинской грамматики. «По приезде в Петербург на службу, во мне с большой силой пробудилось давнишнее мое желание — написать грамматику...»⁷

Главный труд Ногмова, его «нерукотворный памятник» — это знаменитая «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев». В 1844 году Шора принял новую поездку в Петербург, чтобы представить свои завершённые работы в Академию наук и издать их, однако этим планам не суждено было осуществиться: в столице Ногмов тяжело заболел и вскоре скончался. Могила его осталась неизвестной.

«История адыгейского народа» есть, как сообщает Краткая литературная энциклопедия, «результат глубокого изучения жизни, исторических преданий и песен кабардинского народа с древнейших времен и до конца 18 века». Впервые книга увидела свет в 1861 году в Тифлисе и вышла под редакцией и с предисловием выдающегося кавказоведа Адольфа Петровича Берже, тиражом всего лишь в двадцать экземпляров. Впоследствии труд Ногмова не раз переиздавался, в советское время осуществлено издание и на кабардинском языке.

И еще об одном. Заканчивая биографический очерк Ногмова, академик Берже оставил авторитетное замечание: «Рассказывают еще некоторые кабардинцы, лично знавшие его, что он познакомился с Пушкиным, во время бытности его в Пятигорске; что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгейского языка на русский...»⁸ Эта многозначительная и как будто недосказанная, оборванная многоточием фраза повлекла в дальнейшем череду новых предположений и догадок. Повторяя вслед за Берже эти слова с большей или меньшей степенью уверенности, авторы расходятся в определении даты этой возможной встречи (1820 или 1829 годы — время пребывания Пушкина на Кавказе), а иногда предлагают уже новое ее место — Петербург. Более того, самые смелые называли Ногмова и прообразом пушкинского Тазита (по-видимому, чеченца, отступника горских обычаев), не находя, увы, никаких документальных подтверждений всех этих фантастических версий. В интересной книге И. В. Трескова приводятся изустные предания кабардинцев о пребывании Пушкина в Кабарде, в том числе и такие сведения, что «переводчиком у него был сам пши Хатокшоко»⁹. Пши Хатокшоко —

⁶ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. — Киев, 1913. С. 93—94.

⁷ Ногмов Ш. Б. Предисловие к грамматике 1840 года. — Цитирую по книге: Тресков И. В. Этюды о Шоре Ногмове. — Нальчик, 1978. С. 70.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Тресков И. В. Этюды о Шоре Ногмове. — Нальчик, 1978. С. 144.

это князь Измаил Атажуков, старший современник Ногмова, известный персонаж кабардинской истории. Он на самом деле был проводником (отчасти и переводчиком), но только не у Пушкина, а у доктора Ф. П. Гааза, которого любезно познакомил с целебными железными ключами у склонов Бештау. К тому же задолго до приезда Пушкина на Кавказ пши Хатокшоко погиб при невыясненных обстоятельствах.

Иногда выдвигается мнение и о знакомстве Ногмова с М. Ю. Лермонтовым — в том же Пятигорске в 1825 году. Да, по обстоятельствам жизни это могло бы и произойти, но не будем забывать, что гениальному мальчику тогда исполнилось всего лишь десять лет!

Более справедливым нам кажется все же суждение, что встреча Шоры в Пятигорске с кем-то из наших главных поэтов — не более чем легенда, возникшая, однако, на реальной основе: на водах Ногмов действительно познакомился с русским поэтом и вел с ним филологические беседы. Это был Степан Дмитриевич Нечаев (кстати сказать, петербургский знакомый Пушкина), поместивший в 1826 году на страницах «Московского телеграфа» свои заметки о пребывании на Кавказе, отрывок из которых мы предлагаем вниманию читателя:

С подножия Машуки, где устраивается местечко для посетителей, показываются снеговые горы, как зубчатая, сплошная стена, соединяющая две крайние твердыни: Эльбрус и Казбек. Очарованный житель равнин с трудом может поверить, что сия великолепая гряда тянется пред его глазами более нежели на двести верст и отстоит от него на такое же пространство...

При подошве Бештовой горы видны два аула мирных черкесов. Я имел случай быть в одном из сих селений... Со введением магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Недостаток их для выражения всех звуков языка черкесского, обильного носовыми и гортанными складами, заставляет желать, чтобы для кабардинских племен изобретена была особая азбука. Один из узденей, занимающийся разным торгом на Горячих водах, известный всем приезжим *Шора*, намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатания. Одаренный счастливыми способностями, сей молодой человек успел выучиться — сколь можно в здешнем краю — пяти языкам, кроме природного: арабскому, который по справедливости считается на Востоке не только священным, но и ученым; татарскому или турецкому, который от древнего монгольского владычества, не менее от позднейшего распространения суннитского вероисповедания, в таком же всеобщем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский язык в Европе; абазинскому, в котором, вопреки некоторым ученым, не находит кабардинский филолог никакого сходства с черкесским; персидскому и русскому...¹⁰

Творения Ногмова не утратили своего значения и по сей день, навсегда обеспечив автору почетный и заслуженный титул «Нестора кабардинской истории». В своем труде Шора поведал о походе адыгейских племен на Тамтаракай (Тмутаракань). О столкновении своих дальних предков с дружиной Мстислава он сообщает следующее:

Тамтаракайцы вышли к ним навстречу со своим ополчением: когда обе армии сблизились, Редедя, по обычаю тогдашних времен, захотел решить участь войны единоборством. Он стал просить у тамтаракайского князя бойца и говорил ему: «чтобы не терять с обеих сторон войска, не проливать напрасно крови и не разрывать дружбы, одолей меня и возьми все, что имею». Князь Тамтаракайский решил и не

¹⁰ Нечаев С. Д. Отрывки из путевых записок о юго-восточной России // Московский телеграф. 1826. Ч. 7. С. 35–36.

стал искать в своем войске единоборца, а пошел сам на вызов великана. Противники сняли с себя оружие, положили его на землю и начали борьбу, продолжавшуюся несколько часов. Наконец Редедя пал, и князь поразил его ножом. Происшествие это прекратило войну, и адыгейцы возвратились в отечество, более сожалея о потере лучшего воина, чем о неудаче предприятия¹¹.

О самом Редее говорится, что «не было в адыгейском народе никого, кто бы мог устоять против силы Редеди; почему современники прославили его в следующей песне: ой, Ридадя, о Ридадя махо ореда, о Ридадя махо! — то есть „Редедя, Редедя, многосчастливый Редедя!“ Эту песню и ныне поют во время свадьбы, жатвы или снокоса, когда народ бывает в сборе»¹².

Исторический труд Ногмова, составленный по преданиям кабардинцев, издан полтора века тому назад, однако свадебный припев, о котором он пишет, можно услышать у горцев и в наши дни, а иногда в несколько искаженном и упрощенном виде (о, райда, райда) и у русскоязычного населения Северного Кавказа. Но не все здесь так просто. То, что в нем звучит имя Редеди, не раз ставилось под сомнение, равно как и сам рассказ Шоры, что кабардинские предания сохранили память о давнем поединке. Считали, что Ногмов излагал события слишком близко к русским летописным источникам и версия о том, что «черкесы помнят о Редее, не более, как миф, — результат простого недоразумения: неверного истолкования припева к свадебным песням» (Н. С. Трубецкой)¹³. Другие же склонялись к правоте кабардинского историка и в звуках припева слышали прорвавшийся сквозь толщу столетий отголосок реальных событий, разыгравшихся когда-то у склонов Кавказа.

Спустя несколько лет после гибели Редеди, как повествует Ногмов, адыгейцы собрали большое войско, подкрепленное шестью тысячами оссов (осетин), и после упорной борьбы овладели Тамтаракаем. Захватив богатую добычу и множество пленных, они вернулись домой. С той поры у адыгейцев существует пословица: «Да будет тебе участь Тамтаракая». Еще говорят, бранясь: «Будь ты Тамтаракаем!»

Но вернемся к поэтическим замыслам Пушкина. «Преданья темной старины» имели над поэтом несомненную власть. Имя Мстислава (как возможного героя поэмы на исторический сюжет) он упомянул еще раз — в письме от 23 февраля 1825 года к Н. И. Гнедичу, завершившему в то время перевод «Илиады» Гомера: «Отдохнув после «Илиады», что предпримете Вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра? Я жду от Вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали Вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарский? История народа принадлежит поэту». (Последняя фраза представляет собой измененные слова из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «История народа принадлежит царю».)

К этому времени Пушкин уже написал «Повесть о вещем Олеге», сюжетом которой послужил летописный рассказ, почерпнутый поэтом в первом томе той же «Истории...». Успех поэмы «Руслан и Людмила», воскрешающей «дела давно минувших дней», а потом и ошеломляющий успех «Кавказского пленника», открывшего читающей России «великолепные картины» Кавказа, — все это могло подтолкнуть Пушкина к мысли объединить историческую тему с кавказской в пределах одного поэтического сюжета, и выбор здесь пал именно на «Мстислава». К тому же, как замечает исследователь,

¹¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. — Тифлис, 1861. С. 79.

¹² Там же. С. 78.

¹³ Трубецкой Н. С. Редедя на Северном Кавказе // Этнографическое обозрение. — М., 1911. № 1—2. С. 229—238.

«бой Мстислава с Редедей... привлек внимание Пушкина потому, что произошел на севере Кавказа, в местах, которые посетил он в 1820 г.»¹⁴.

В 1822 году Пушкин сделал наброски плана новой поэмы, как бы очертив еще неясные контуры будущего сюжета, заставляющего вспомнить некоторые ситуации и мотивы «Руслана и Людмилы». Действие начинается в Киеве, когда князь Владимир делит Россию на уделы. Дальше же идет волшебная, приключенческая сказка, финал которой (как и в «Руслане») возвращает нас к событиям, близким к исторической реальности, — набегу печенегов.

Мстислав же «увлечен чародейством в горы Кавказские»: в него влюбляется царевна косоогов и увлекает его в сражении за собой под видом косога, убившего его друга. В сущности, Пушкин отходит от замысла о реальном единоборстве Мстислава, в набросках плана нет даже имени Редеди, а офантазированный поединок происходит с козюжской царевной-оборотнем. В сюжет вплетается линия Ильи Муромца, встречающегося со своим сыном.

Поэма о «древнем поединке» князя Мстислава — не единственный из неосуществленных или неоконченных замыслов Пушкина о Кавказе. Среди них поэма «Тазит», замыслы о русской девушке и черкесе и роман на Кавказских Водах. Даже не воплощенные, они остаются свидетельством активного художественного освоения огромного пространства — новых южных провинций России, когда, по выражению Белинского, «с легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний!..»

«Где пасмурный Бешту, пустынный величавый, был новый для меня Парнас»

Упомянув о «пасмурном Бешту» в посвящении к «Кавказскому пленнику», Пушкин счел необходимым сделать особое примечание: «*Бешту*, или, правильнее, *Бештау*, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории». Русскому читателю, еще плохо представлявшему себе необъятные просторы недавно приобретенной южной провинции, именно Георгиевск, наш кавказский форпост, где был подписан знаменитый Георгиевский трактат, служил в данном случае отчетливым ориентиром.

В том, что эта гора «известна в нашей истории», поэт, разумеется, не ошибся: сведения о районе Пятигорья — «земле Пятигорских черкас» — встречаются (наряду с названиями Бештов, Бештовы горы, Пять гор) в русских летописях и ряде исторических документов, например, в «Книге Большому чертежу» (1627 год).

Пятигорье, то есть земли, прилегающие к Бештау, издавна населяли кабардинцы, самый многочисленный из всех адыгских народов, сохранивший вековые предания и легенды, связанные с этим краем. Название Бештау встречается, например, в «Песне старых нартов» — одной из древнейших эпических песен адыгов:

Когда гора Бештау, ой дуней, была величиной с кочку,
Когда лес на Бештау, ой дуней, был с кустарник,
В те времена, ой дуней, я был мужчиной средних лет.

Когда союз русских с кабардинцами был закреплен в 1561 году браком Ивана Грозного с дочерью князя Темрюка Идаровича — Кученей, принявшей при крещении имя Марии, то в народе царица получила прозвище Пятигорки. А в 1571 году, отвергая при-

¹⁴ Томашевский Б. Пушкин. Книга первая (1813–1824). — М.; Л., 1956. С. 473.

тязания Турции на кабардинские земли, Иван Грозный в грамоте, посланной турецкому султану Селиму, писал: «...слуху не было, что черкасы пятигорские твоему царству прикладны были»¹⁵. Упоминания о пятигорских черкесах встречаются при описании событий XVI века и в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Нет сомнений, что своим названием Пятигорск обязан именно Бештау. Впрочем, не только названием, но и самим своим возникновением! Вспомним, что в пушкинской поэме русский пленник, которого на аркане приволокли в черкесский аул, едва находит в себе силы, чтобы осмотреться вокруг.

И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада,
Гнездо разбойничьих племен...

Последняя строка, звучащая, казалось бы, как поэтическая метафора, на самом деле приоткрывает реальные обстоятельства, сложившиеся в районе Пятигорья. Еще в 1777 году Екатерина II подписала указ о строительстве Азово-Моздокской укрепленной линии, дабы оградить южные российские пределы от набегов и разбоя. В состав линии первоначально входило десять крепостей. Однако первый же опыт пограничной жизни в предгорьях Кавказа заставили сделать незамедлительные дополнения. На имя светлейшего князя Г. А. Потемкина последовал рапорт о необходимости сооружения крепости в районе Бештовых гор:

Хотя при поднесении всеподданнейшего Ея Императорскому Величеству от вашей светлости доклада о заведении линии и не полагалось крепости при Бештовых горах по неизвестности испытанных дерзновений кабардинского народа и в рассуждении подданства к Самодержавному ее Величества скипетру, но как по обстоятельствам открылось, что кабардинцы соединяясь каждый раз под теми горами с кубанцами, беслиненцами и прочими своими соседями, все советы, все приготовления свои к злодейству устраивают там и в случае погони находят свое закрытие в ущелинах их, то для пресечения таковых скопищ и для предудержания от злодейства весьма за нужное полагаю я там построить сверх прежде апробованных одно укрепление сообразное прочим крепостям...¹⁶

Рапорт направлен из лагеря Святого Павла 23 июля 1779 года и подписан генерал-поручиком Якоби. Крепость, воздвигнутая вскоре на берегу Подкумка под сенью пятиглавого Бештау, получила название Константиногорской — по имени Константина, второго внука Екатерины, родившегося в 1779 году. Близ крепости, сооруженной у целебных кавказских ключей, вскоре возникло поселение Горячие Воды, дальнейшая известность которого связана была уже не с успехами русских войск, а с успехами русской литературы.

Осенью 1770 года из Астрахани, через Кизляр и Моздок, на Пятигорье добрался член петербургской Академии наук профессор астрономии Георг Мориц Ловиц. Поднявшись на вершину Бештау, он с помощью барометра определил высоту горы — около 400 сажен (850 метров) над уровнем реки Подкумка. В нашей истории Ловиц известен не только своими научными достижениями, но и трагической гибелью в 1774 году, о чем упомянул Пушкин в своей «Истории Пугачева»: «Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить *поближе к звездам*».

¹⁵ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. — М., 1958. С. 32.

¹⁶ Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 191. Л. 39.

Как только Горячие Воды получили известность в обществе и сюда потянулись вереницы повозок с желающими изведать их целительный эффект, с тех пор пальма первенства в описании Бештау от русской науки надолго переходит к русской литературе.

В отечественной поэзии первым певцом (и восходителем) Бештау был именно Пушкин. На кавказских Горячих Водах поэт провел почти все лето 1820 года. Сюда он приехал с семьей генерала Н. Н. Раевского, с младшим сыном которого Николаем, офицером лейб-гвардии Гусарского полка, познакомился еще в лицейские времена. «Два месяца жил я на Кавказе; — сообщает поэт в письме к брату Льву, — воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие». Здесь же, под сенью пятиглавого великана Бештау, у Пушкина зародился замысел новой поэмы — «Кавказского пленника», сюжет которого ему подсказала разгоравшаяся на Кавказе война.

Раевские и Пушкин провели на Пятигорье два месяца, испытав на себе силу целебных ключей. «Рюматизм не чувствую, — признавался обнадеженный действием вод 49-летний генерал, — но это может в здешнем климате, а избавился ль их, это покажет время...»¹⁷ Подробности пребывания на Кавказе, а также впечатления Н. Н. Раевского-старшего известны по его письмам к старшей дочери Екатерине, которые он отправлял отсюда с каждой почтой (то есть каждую неделю). «Воды горячие истекают из горы, называемой Мечук, над рекой Подкумок лежащей; — делится он наблюдениями, — самый низкий ключ не менее 6 или 7 сажен вышины, истекают от подошвы небольшой долины, в которой все селение расположено в 2 улицы; я приметил до 60 домов, домиков и лачужек...» Генерал вставал в пять часов утра, купался в источнике, потом пил «кофий» и проводил досуг за картами, иногда читал, а больше прогуливался с семейством по округе. Особенно радовали его «вид наиприятнейших гор и забавного сего селения», «смесь калмыков, черкес, татар, здешних казаков, здешних жителей и приезжих — все это под вечер движется, встречается, расходится, сходится...»

Молодежь развлекалась, как могла: однажды устроили лотерею, и Пушкин отдал для розыгрыша свое кольцо. Выиграла его Мария Раевская. Вечером на Петров день гарнизон Константиногорской крепости устроил маленький фейерверк.

Новые впечатления принесла поездка на «железные воды бештовские». Местность, где ныне расположен знаменитый Железноводск, не только имела первобытный вид, но и таила опасность, семью генерала сопровождал конвой из 30 солдат и 30 казаков. Жить приходилось в калмыцких кибитках. «Места так мало, — сообщал Раевский дочери, — что 100 шагов сделать негде — или лезть в пропасть, или лезть на стену. Но картину перед собой имею прекрасную, т. е. гору Бештовую, которая между нами и водами, которые мы оставили. Купаюсь три раза, ем один раз, играю в бостон, — вот физическое упражнение, а душою с вами...»

Очевидно, что именно из-за решимости генерала «лезть на стену», а в какой-то мере и его любопытства могло совершиться в один из июньских дней 1820 года путешествие на вершину пятиглавого исполина. «При первом хорошем дне положено ехать на верх шпица Бештового, с которого верст на сто открывается на все стороны», — пишет Раевский дочери. А в конце июня упоминает об уже состоявшемся восхождении: «ездили мы на Бештовую высокую гору».

У жителей равнинных областей России вид Бештау вызывал невольное восхищение. Если доктор Ф. П. Гааз сравнивал эту гору с Везувием, то у Пушкина Бештау предстает как «пятихолмный», «заоблачный», «остроконечный». Дважды упомянув о восхождении на Бештау в письмах, он запечатлел это событие и в поэтической форме — в эпиллоге «Руслана и Людмилы», написанном на водах. Здесь он передал свое душевное состояние, привел поэтический очерк сопутствовавших кавказской поездке обстоятельств

¹⁷ Здесь и далее: Архив Раевских. Т. 1. — СПб., 1908. С. 523—525.

своей жизни и связанных с ними переживаний и, наконец, нарисовал ту грандиозную картину Большого Кавказа, которая открывалась его взору со склонов Машука и Бештау:

Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой... —

вот первые строки, поэтически запечатлевшие присутствие Пушкина на земле Пятигорья. Ощутить же себя находящимся «над» крутыми горами Кавказа здесь можно в одной только точке — именно на вершине Бештау. «На скате каменных стремнин» — это, несомненно, каменные осыпи и обрывистые склоны, которые приходилось преодолевать поэту и его спутникам при подъеме на «острый верх» главного купола горы.

Созвучные мотивы слышны и в письме поэта к брату Льву от 24 сентября 1820 года, где названия окрестных гор выступают не только как поэтические, но скорее как географические ориентиры: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не восходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной».

Несмотря на летний зной, поэт проявил себя как неутомимый ходок. Вид, открывшийся ему с головокружительной высоты Бештау, надолго врезался в память. Позднее, в письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 года он сообщает: «С вершин заоблачных бесснежного Бешту видел я только в отдалении ледяные главы Казбека и Эльбруса». Здесь же с оттенком сожаления Пушкин упоминает и «шумный Терек», на берегах которого ему тогда побывать не довелось и где, по его словам, должна бы находиться сцена его поэмы «Кавказский пленник». «...Я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца, — признается поэт, — где возвышаются в дальнем расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа...»

В посвящении к поэме, обращенном к Н. Н. Раевскому-младшему, Пушкин вполне определенно говорит и о том, где возник замысел «Пленника», называя этим местом

...Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.

В это же время на Горячих Водах Пушкин создает стихотворение «Я видел Азии бесплодные пределы...», где слово «бесплодный» означает, скорее всего, «выжженный солнцем», что следует из сопоставления со строкою письма поэта к брату Льву («Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях») и к тому же весьма свойственно южному ландшафту в разгаре лета. Здесь Пушкин впервые вводит в стихотворный текст реальный гидроним Пятигорья — название реки Подкумок:

Подкумка знойный брег, пустынные вершины...

Помимо поэтического описания местности он приводит и выразительную характеристику зарождающегося курорта:

Ужасный край чудес!.. там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
Мой взор встречал близ дивных берегов
Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных сединах.

Беглый обзор недужных посетителей Кавказских Минеральных Вод вполне согласуется с медицинскими показаниями, содержащимися в научной литературе того времени. Стихотворение не было опубликовано при жизни Пушкина, но этот первый краткий очерк «водяного общества» поэт во многом еще повторит (причем иногда дословно), приведя на берега Подкумка своего главного героя — Евгения Онегина.

В 1829 году по дороге в Грузию Пушкин вторично побывал на Кавказских Водах, где провел несколько часов, напомнивших ему пору юности. На страницах кавказского дневника поэта название горы встречается трижды. Еще от Георгиевска Пушкин «увидел остроконечный Бешту, окруженный Машуком, Змеиной и Лысой горою — как царь своими вассалами». В другом месте он употребил эпитет «величавый» и эти находки использовал позже — в стихотворных «Отрывках из путешествия Онегина» и «Путешествии в Арзрум»:

С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...

Сюда же, к целебным ключам Пятигорья, Пушкин приводит и путешествующего по России Онегина. В одном из черновых вариантов пятигорская строфа начиналась строками «Пред ним Бешту остроконечный Пятью горами окружон», и эта попытка использовать в стихотворном тексте сочетание тюркоязычного названия «Бешту» (то есть «Пять гор») и его русского эквивалента («Пятью горами окружон») показалась, по-видимому, Пушкину не совсем удачной и точной, так как гор-вассалов, окружающих Бештау с разных сторон и на разном расстоянии, намного больше пяти, перечисленных поэтом в письме ко Льву и в кавказском дневнике. В окончательном виде число гор автором здесь уже не приводится:

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук,

Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой...

Как можно увидеть, Пушкин назвал помимо Бештау еще несколько гор, составляющих скалистый архипелаг Пятигорья. В письме к брату Льву от 24 сентября 1820 года он перечислил пять вершин, которые здесь покорил: Бешту, Машук, Железная гора, Каменная и Змеиная.

Далее, в письме к Гнедичу от 24 марта 1821 года Пушкин упомянул, не перечисляя их названий, «четыре горы». В другом случае, в черновиках «Евгения Онегина», Бешту предстает окруженным уже «пятью горами», также не названными. И, наконец, в кавказском дневнике следует еще одно перечисление: Бешту, Машук, Змеиная и Лысая.

Все это горы, наиболее доступные взору в данной местности и даже, можно сказать, бросающиеся в глаза каждому приехавшему на Горячие Воды. Характерно, что подобный же перечень мы найдем впоследствии и в дневнике Печорина: «...кругом амфитеатром возвышаются синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы». Если Пушкин имел возможность увидеть собственными глазами довольно сложный в географическом отношении рельеф Пятигорья и даже обозреть окрестности с самой высокой точки — вершины Бештау, то знаменитый комментатор «Евгения Онегина» В. В. Набоков особенности местного ландшафта представлял себе туманно и, поясняя названия «Бештау» и «Машук», ограничился тем, что привел почерпнутые где-то справочные данные:

Бештау... Машук. Упомянуты остроконечные вершины Беш Тау, пятиглавой, поросшей дубом и буком возвышенности к северо-востоку от Пятигорска, курорта минеральных вод на северном Кавказе. Ее главы — гора Беш (4590 футов), гора Железная (2795 футов), гора Змеиная (3261 фут), гора Машук (3258 футов) и гора Лысая (2427) футов)¹⁸.

Эти скупые строки содержат, увы, ряд досадных неточностей. Бештау находится не к северо-востоку, а к северо-западу от Пятигорска. Покатые Машук и Лысая не имеют остроконечных вершин, и, главное, ни они, ни также названные Железная и Змеиная не являются никакими «главами» Бештау, а представляют собой отдельно стоящие горы, а Лысая вообще находится от Бештау на значительном удалении в 12 километров. Все это, пользуясь выражением поэта, горы-вассалы, а сам Бешту имеет, так сказать, и свои собственные «кремнистые вершины»: Малый Бештау, Козьи Скалы и другие.

Пятигорский след заметен и в ряде других произведений Пушкина, например, в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях»:

Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,

¹⁸ Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. — М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 834.

Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса...

В стихотворном послании В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...») Пушкин вспоминает картину, которую не раз, вероятно, наблюдал у пятигорских источников: помещенный в струи целебной воды любой предмет постепенно покрывается налетом минеральных солей, каменеет. Это явление неживой природы под пушкинским пером превращается в тонкую метафору:

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет;
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Единственное известное нам письмо Пушкина в Пятигорск от 14 марта 1836 года к историку и этнографу В. Д. Сухорукову содержит просьбу о присылке в «Современник» его статей: «В самом деле, пришлите-ка мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение...»

Память о счастливых днях, проведенных «в соседстве Бештау и Эльбруса», поэт всегда хранил в своем сердце. Он писал, что создал себе нерукотворный памятник. А на земле Пятигорья нерукотворный памятник поэту воздвигнут самой природой: величественный пятиглавый храм, пушкинский Парнас — Бештау хранит на своих каменистых тропах след поэта. Священный след.

Название горы встречается в произведениях и письмах М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского, В. Г. Белинского, Е. А. Ганн, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Я. Брюсова. Рядом с заснеженными исполинами Кавказа высота Бештау не велика — всего 1400 метров над уровнем моря. Но Пушкин когда-то пророчески назвал эту гору новым Парнасом. Выше — только Небо.

Свирепый ветер бештауж

Еще один автор, упомянувший название Бештау, — знаменитый адыгский просветитель Султан Казы-Гирей. Он родился в Кубанской области в 1808 году, с восемнадцати лет находился в русской военной службе, прошел путь от рядового Карабинерного полка в составе Отдельного Кавказского корпуса до генерал-майора Кавказской армии. В 1830-е годы числился офицером в Кавказско-горском полужескадроне в Петербурге. Здесь познакомился с Пушкиным, который в первом же выпуске своего «Современника» в 1836 году напечатал очерк Казы-Гирея «Долина Ажитугай».

Очерк, составивший всего несколько страничек, имеет авторскую помету: «За Кубанью 3 июня 1834». Это рассказ человека, вернувшегося после долгой разлуки в родные края. Речь идет о верховой поездке по пустынным кавказским предгорьям, где все вокруг радуется взгляду путника: холмы и утесы, среди которых прошла его юность, бурные потоки вод и лесистые хребты, уходящие вдаль, к заснеженным громадам гор. Вот конь выносит всадника на холм, где высится «таинственный и молчаливый знак» — древний каменный столб Кишик-Сил (по-татарски — Кривая Статуя). В тени этого гранитного истукана Казы-Гирей еще ребенком любил помечтать на просторе. Теперь же он обращается к статуе со словами приветия: «Да, Кишик-Сил, ты стоишь чем-то непонятным в этой пустыне, и время и бури напрасно гложут тебя, старого великана, но

погоди! придет и твоя пора: ты в свою очередь падешь, и свирепый ветер беш-тау разнесет твой песок по пустыне! Пусть другие минуют тебя здесь, не почтив ни словом, ни взглядом, но я люблю тебя как родного...»

В особом примечании автор дает пояснение о том, что означает название ветра: «Беш-тау, пять гор, где город Пятигорск. Восточный ветер, который дует со стороны этих гор, называется закубанцами беш-тау-ж, то есть ветром пяти гор»¹⁹.

Поместив рассказ Казы-Гирея в своем журнале, Пушкин добавил от себя несколько одобрительных строк: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке: любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как наконец магометанин с глубокой думою смотрит на крест, *эту хоругвь Европы и просвещения*».

Помимо справедливой благодарности читателей за публикацию «Долины Ажитугай» Пушкин заслужил еще и строгий выговор от самого графа А. Х. Бенкендорфа. Дело в том, что ни военные, ни гражданские чиновники не могли предавать печати свои литературные произведения без предварительного разрешения начальства. Кавказско-горский полускадрон находился как раз в ведении шефа жандармов, и тот в особом послании выразил поэту свое неудовольствие тем, что «означенная статья корнета Султана Казы-Гирея не была предварительно представлена ни на мое рассмотрение, ни на рассмотрение начальника моего штаба»²⁰. И далее покорнейше просил впредь не допускать ничего подобного, но, вероятно, «просьбой» своей Пушкина сильно не испугал, поскольку тот в следующем же выпуске «Современника» поместил еще один рассказ Казы-Гирея — «Персидский анекдот».

Соответствующий втык от начальства получил, вероятно, и сам корнет Султан, поскольку на этом свои литературные опыты он благоразумно оставил, о чем нам теперь остается только пожалеть.

На выход в свет «Долины Ажитугай» откликнулся не только бдительный шеф жандармов, но и не менее внимательный к литературным новинкам молодой московский критик Виссарион Белинский. На Кавказе он тогда побывать еще не успел, а потому, видимо, и ограничился только кратким замечанием, повторив, в сущности, пушкинскую формулировку: «„Долина Ажитугай“ примечательна как произведение черкеса (Султана Казы-Гирея), который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов»²¹.

В последующие годы Казы-Гирей вернулся на Кавказ и служил, что называется, верой и правдой царю и отечеству. Здесь, в военном лагере на Тереке, с ним, в то время уже полковником и командиром Моздокского казачьего полка, встретился однажды молодой Лев Толстой, о чем свидетельствует запись в дневнике последнего от 3 июля 1851 года: «Беспокоился приемом доктора и Казы-Гирея». Военная карьера автора «Долины», в отличие от писательской, длилась долго — более 37 лет — и принесла ему заслуженные боевые награды: орден Святого Владимира четвертой степени с мечами, орден Святой Анны второй степени и золотую шашку с надписью «За храбрость».

¹⁹ Избранные произведения адыгских просветителей. — Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 23.

²⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 16. — М.: Воскресенье, 1999. С. 105.

²¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. — М.: Издательство АН СССР, 1953. С. 180.

«Мансур, человек необыкновенный...»

В путешествии 1829 года по кавказским предгорьям Пушкину припомнился один из героев недавнего прошлого — знаменитый шейх Мансур. «Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру, — замечает поэт. — Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана*, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре».

Эта история произошла на Северном Кавказе в 1785 году. Уроженец чеченского аула Алды по имени Ушурма, постигнув премудрости шариата, стал проповедовать соплеменникам газават, то есть войну против «неверных». Он внушал им простую идею: бедствия, которые горцы терпят от русских, есть наказание Всевышнего, посланное им за отступничество от истинной веры. И еще утверждал, что во сне ему явились посланцы Аллаха — два всадника в белых одеждах — и велели вести за собой народ. Ушурма принял имя шейха Мансура, его призывы имели успех, и, почувствовав опасность, военные власти направили в Алды карательный отряд полковника Пьери, дабы захватить «лжепророка» и доставить его на линию. При первых же выстрелах Мансур успел скрыться, русские сожгли аул и, посчитав дело конченным, двинулись восвояси. И вот тут в дремучих лесах на берегах реки Сунжи разыгрались главные трагические события этого печального дня. Сам Пьери и восемь его офицеров были убиты. Отряд, состоявший из трех батальонов пехоты, почти полностью истреблен, часть людей и два орудия захвачены нападавшими. Это была «первая большая наша неудача в горах Чечни, — замечает историк, — когда, по чеченскому преданию, от всего русского войска остались только фуражки, несшиеся по течению реки»²². Уцелела лишь горстка наших, а среди них, по счастью, адъютант Пьери — унтер-офицер князь Петр Иванович Багратион, уроженец Кизляра и будущий герой Аустерлица и Бородина.

На крыльях успеха Мансур повел толпу своих приверженцев на Кизляр. Атакованный ими Каргинский редут, прикрывавший подходы к городу, был охвачен пожаром и взлетел на воздух от страшного порохового взрыва. Ночью чеченцы переправились через Терек, чтобы с рассветом начать штурм Кизляра, но в темноте безнадежно застряли в болотах. Утопая в трясине, лошади сбрасывали седоков, а подоспевшие казаки открыли плотный перекрестный огонь.

Мансур ушел, быстро теряя разбежавшихся сторонников, но вскоре объявился в Кабарде, где пламя газавата стало разгораться с новой силой. Он напал на Григориопольское укрепление, снова попытался взять Кизляр, но всюду был отбит. Для борьбы с мусульманским мессией русские власти сформировали ударный отряд полковника Нагеля, насчитывавший четыре батальона пехоты, роту артиллерии и Моздокский казачий полк. Под этот каток Мансур, также собравший внушительные силы, угодил в ноябре вблизи развалин древнего Татартупа, был наголову разбит и бежал к туркам за Кубань. В 1791 году, когда генерал Гудович взял штурмом Анапу, ее десяти тысячный гарнизон был почти полностью истреблен, а укрывшийся в крепости Мансур взят в плен и отправлен в столицу империи.

Для полноты картины добавим, что существует еще и, так сказать, итальянская версия происхождения Мансура, изложенная, например, в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто. Из нее следует, что после поражения шейха на Северном Кавказе один из его сподвижников скрылся, похитив у своего предводителя драгоценности и важные бумаги. Эти подлинные мемуары и письма Мансура осели в конце концов в Ту-

²² Покровский М. Завоевание Кавказа // Звезда. 1995. № 3. С. 132.

ринском государственном архиве, где их годы спустя обнаружил профессор местного университета. «По этим документам шейх Мансур, — излагает военный историк, — есть не кто иной, как итальянский авантюрист Джованни Батиста Боэтти, уроженец Монферата, где отец его был нотариусом. Пятнадцати лет от роду отец отправил его изучать медицину. Но Боэтти, которому наука не пришлась по душе, скоро бежал в Милан и завербовался в солдаты. Достаточно было двух месяцев, чтобы и военная служба опротивела ему: он бежал в Богемию и после целого ряда странствований, отмеченных то забавными, то печальными похождениями, явился в Рим, где и поступил в монахи в доминиканский монастырь»²³.

Еще через несколько лет Боэтти отправился миссионером на Восток, но и эта миссия была для него невыполнима. Всюду изгнанный, пережив череду бедствий, скандалов и заключений под стражу, он скитался по городам и весям от Багдада до Тифлиса, пока наконец в его голове не возник фантастический замысел явиться в мусульманском мире новым пророком. Захваченный этой безумной идеей, новоявленный претендент на роль Магомета не замедлил выучить на память весь Коран, но тут же, заподозренный в шпионстве, был арестован турецкими властями и в кандалах доставлен в Константинополь.

Он сумел выбраться и отсюда и счел за лучшее вернуться в Европу и, между прочим, три месяца провел в Петербурге, где настойчиво предлагал Потемкину план военного вторжения в Турцию. Свои виды на Константинополь были, разумеется, и у русских, но вязываться в чужую авантюру светлейший не стал. Обжегшись однажды на турках, Боэтти не захотел больше испытывать судьбу и теперь решил разыграть свой кровавый сюжет среди гор и ущелий Северного Кавказа.

«Пленный Мансур отправлен был в Петербург, — заключает свой рассказ Потто. — Императрица пожелала видеть пленника, и его привезли в Царское Село, где тогда находился двор. Там, как рассказывают, его приказали водить около дворцовой колоннады взад и вперед под окнами, из которых на него смотрела Екатерина».

Ни профессор Оттино, поместивший пространную статью о земляке-авантюристе в туринском историческом журнале, ни другие искатели никаких документов, подтвердивших бы тождественность Боэтти и Мансура, так и не опубликовали. Достоверность итальянской версии вызывала большие сомнения уже у Потто. Документы, обнаруженные в Турине (по другим источникам — в Пьемонте), весьма преувеличенно представляли подвиги Мансура на Кавказе и к тому же столь явно противоречили русским официальным реляциям, что ныне все это кажется кем-то сочиненной легендой и сгодится разве что в качестве сценария для исторического боевика.

Серьезные возражения по этому поводу высказывал и советский профессор Н. И. Покровский, детально рассмотревший реальность сведений о Мансуре, мелькавших когда-то на страницах итальянской печати. Все эти данные, считал он, слишком неточны, чтобы они могли исходить от человека, стоявшего в самом центре событий. «Мы не хотим всем этим сказать, — заключает свои наблюдения знаменитый историк-кавказовед, — что Боэтти никогда не существовал. Может быть, он даже действовал в Малой Азии и Армении. Но одно несомненно: отождествление Мансура-Боэтти с чеченцем Мансуром не имеет под собой никакой почвы и является плодом поверхностного подхода к источникам и погони за сенсацией»²⁴.

И Пушкин, и Потто, и даже Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона допускают неточность, утверждая, что Мансур был сослан Екатериной в Соловецкий монастырь. «Ея императорское величество, — говорят документы, — не почитая его отнюдь за военнопленного, как сущего развратника... указали допросить о всех его на-

²³ Здесь и далее: Потто В. А. Кавказская война. — Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 134–135, 150.

²⁴ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. — М.: РОССПЭН, 2000. С. 123.

хождения и всех деяниях его, содержа между прочим под крепкою стражею»²⁵. Воля императрицы была исполнена: несколько лет мятежный шейх провел в строгом заточении и в 1794 году окончил свои дни в каменном гробу Шлиссельбурга.

Источник ошибки, допущенной Пушкиным, известен. Покинув Кавказ, Раевские вместе с поэтом побывали в Крыму. 17 августа 1820 года путники остановились на даче Семена Михайловича Броневского, градоначальника Феодосии, «человека почтенного по непорочной службе и по бедности», как отозвался о нем поэт в письме к брату Льву. Большая же часть этой «непорочной службы» протекла как раз на Кавказе, где Броневский служил в тифлисской канцелярии. Здесь ему и удалось накопить обширные сведения, послужившие впоследствии для издания книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским». Это двухтомное сочинение вышло в свет в Москве в 1823 году. Исследователем Кавказа Броневского назвать едва ли возможно, ибо «пополнял» он свой труд, просто переписывая страницу за страницей из книг доступных ему тогда ученых авторов, например, Гюльденштедта или Палласа, о чем он, кстати сказать, никогда не забывал уведомить своих читателей. Что же касается полноты обзора, исторических подробностей и разного рода деталей кавказской жизни, то тут Броневскому равных нет, и его книга заслуженно пользовалась в свое время огромной популярностью. В конце первого тома был помещен даже «Список особ, благоволивших подписаться на сию книгу». В этом перечне есть замечательные имена. Например, Василий Львович Пушкин, дядя поэта, его же родственник Алексей Михайлович Пушкин, указан здесь и генерал Н. Н. Раевский, а поэт Д. В. Давыдов выписал для себя и друзей целых семь экземпляров этого издания. Граф М. С. Воронцов вместе с графом Браницким заказали восемнадцать книг, имея в виду, вероятно, пополнение не только частных, но и общественных библиотек.

Известно, что «Новейшие известия» Броневского имелись и в личной библиотеке Пушкина. На странице 99 поэт мог прочитать следующие строки: «В 1785 году появился у чеченцев проповедник из дервишей, по имени *Ших-Мансур*, подсланный Портою для возмущения горских народов против России, под предлогом распространения магометанской веры». Здесь же автором сделано примечание: «Лжепророк Ших-Мансур взят был в плен в 1791 году и умер на Соловецком острове в заточении»²⁶.

Памятник на вершине Машука

В Москве, в экспозиции Алмазного фонда, среди прочих исторических реликвий можно увидеть алмаз «Шах». Это драгоценный камень большой чистоты, чуть тронутый желтизной, с искусной арабской гравировкой на трех гранях. Рядом выставлен миниатюрный портрет А. С. Грибоедова. Говорят, что за любым крупным бриллиантом тянется шлейф преступлений и крови. Не стал исключением и алмаз «Шах», которым иранские власти расплатились за кровь русского дипломата и поэта.

Обстоятельства гибели Грибоедова до конца не ясны. Исследователи выделяют восемь, по меньшей мере, различных версий злопамятной тегеранской катастрофы. «Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства, — замечает А. С. Пушкин. — Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею».

²⁵ Там же.

²⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть 2. — М., 1823. С. 99.

Через неделю после разгрома русской миссии тело Грибоедова извлекли из общей могилы и похоронили в ограде армянской церкви в Тегеране. Еще две недели спустя останки поэта отправили в Тифлис, и близ крепости Гергеры с ними встретился Пушкин, направлявшийся в русскую армию в Арзрум. Он оставил воспоминание об этой встрече: «Да вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. „Откуда вы?“ — спросил я их. — „Из Тегерана“. — „Что вы везете?“ — „Грибоеда“. — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

Во время путешествия в Арзрум у Пушкина произошла еще одна встреча. На Военно-Грузинской дороге близ Ананура он встретил посольство, направленное персидским шахом в Петербург с извинениями за смерть Грибоедова. Возглавлял посольство внук правителя Ирана Фетх-Али-шаха, седьмой сын наследника престола Аббас-Мирзы шестнадцатилетний принц Хозрев-Мирза. «Я пошел пешком не дождавшись лошадей, — пишет Пушкин, — и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Через несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услышав свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости...»

Примерно в то же время по Военно-Грузинской дороге проехал и переведенный из сибирской ссылки на Кавказ писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. Об этом путешествии он рассказал в большом очерке «Письмо доктору Эрману». Любивший блеснуть своей причастностью к важным событиям, Бестужев сообщает: «В 1829 году горцы, ободренные отсутствием войск, стали разбойничать на Военно-Грузинской дороге. Перед проездом моим они увели в плен одного доктора; за неделю отбили купеческий табун из-под пушек конвоя и при проезде Хозрев-Мирзы ранили его нукера».

В Тифлисе посольство Хозрев-Мирзы принимал командующий русскими войсками на Кавказе граф И. Ф. Паскевич. Принцу были оказаны всевозможные почести. Дальнейший путь его лежал через Владикавказ, Георгиевск и Ставрополь на Москву и Петербург. Вот тогда персидское посольство заехало и на воды в Пятигорск. Довольно подробно об этом рассказывает в своей книге очевидец событий Ф. П. Конради, в то время главный врач кавказских курортов. Книга эта вышла в 1831 году в Петербурге и называлась «Рассуждения о искусственных минеральных водах, с приобщением новейших известий о кавказских минеральных источниках». Конради пишет:

В прошлом 1829 году мы имели счастье видеть у себя персидского принца Хозрев-Мирзу, который на пути в С.-Петербург заехал на наши воды. Генерал от инфантерии Емануель принял Принца с надлежащими почестями в гостинице, где для него были отведены лучшие комнаты. В честь ему давали балы и собрания, и вообще делали все, что могло бы доставить удовольствие юному Принцу. Он осмотрел все источники и заведения; несколько раз купался в дождевых ваннах, — которые на сие время были предоставлены в распоряжение Принца и свиты его, — и хвалил прекрасное устройство оных. Желая лично обозреть все заслуживающее внимания, Принц всходил даже на вершину Машуки. Генерал Емануель тогда же приказал поставить на Машуке монумент, с приличною надписью, дабы передать потомству память сего происшествия. Хозрев-Мирза собственною рукою написал имя свое и несколько изречений на Персидском языке на каменной доске приготовленной для монумента. Письмена сии были тщательно вырезаны в доске под надзором архитектора Бернардацци, коему также поручено было составление плана для монумента и производство всех работ по сему предмету. В скором времени монумент занял место свое на вершине Машуки. Я прилагаю к сему сочинению литографированный вид памятника и надпись, с русским переводом оной. Принцу весьма понравились наши места и он намеревался вторично заехать к нам на обратном пути; но приключившаяся

ся ему болезнь принудила его отменить сие намерение и поспешить возвращением в отечество свое²⁷.

Через Новочеркасск и Воронеж посольство 14 июля прибыло в Москву, встретившую персидского гостя стройными рядами войск и приветственной стрельбой из орудий. В Белокаменной Хозрев-Мирза осмотрел Оружейную палату в Кремле, посетил Московский университет, питомцем которого был некогда Грибоедов, и нанес визит его матери. «Глубоко тронутый ее несчастьем, — сообщает об этом историк А. П. Берже, — принц в самых прочувствованных словах выразил ей глубокую скорбь, которую причинила Фетх-Али-шаху и Аббас-Мирзе смерть Александра Сергеевича, причем употребил все старание утешить и успокоить ее в невозвратной потере единственного сына. Такое искреннее соболезнование к положению г-жи Грибоедовой, само собою разумеется, сразу расположило москвичей в пользу принца»²⁸.

В начале августа посольство прибыло в Петербург, где Хозрев-Мирза был удостоен высочайшей аудиенции в Зимнем дворце. Он лично вручил Николаю I «извинительное письмо» — шахскую грамоту. Выслушав ее, царь произнес: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». Хозрев-Мирза и вся его многочисленная свита получили щедрые царские подарки. Иранский престол расплатился за кровь русского поэта и дипломата алмазом «Шах», о котором тоже следует сказать несколько слов.

Это знаменитая драгоценная реликвия индийского происхождения, в прошлом — величайшая ценность персидских шахов, а ныне один из семи исторических камней Алмазного фонда России. Алмаз большой чистоты, с незначительным желтоватым нацветом, весом 88,7 карата. На нем три надписи на персидском языке, позволяющие проследить его историю. Камень, как полагают, был найден в Индии в XVI веке. Некогда им владела династия Великих Моголов, а после разгрома Дели шахом Надиром алмаз был увезен в Персию. Подробное описание его можно найти в знаменитой книге историка-очеркиста М. И. Пыляева «Драгоценные камни», а также и в известном труде под таким же названием Г. Смита, выдержавшем 15 изданий. Большую статью уникальному камню посвятил и классик отечественной минералогии А. Е. Ферсман, заключивший, что «он является весьма любопытным благодаря своим историческим надписям, рисующим нам истории этого камня на фоне истории Индии. Наконец, значительный интерес связан в „Шахе“ с техникою гравировки, совершенно исключительной и мало понятной по своему совершенству, резкости и изяществу исполнения»²⁹.

Характерный эпизод, связанный с пребыванием Хозрев-Мирзы в Северной столице, передают воспоминания П. А. Каратыгина:

4 августа 1829 года, вскоре после кровавого происшествия в Тегеране, где погиб наш незабвенный Грибоедов, прибыло в Петербург персидское посольство во главе с Хозровом-Мирзой, внуком Фет-али-Шаха, с поручением умиловить справедливый гнев государя за зверское умерщвление Грибоедова.

Хозров-Мирза был юноша лет шестнадцати или семнадцати, очень красивый собою; он сделал большой эффект в петербургских обществах; особенно дамы были от него в восхищении и не давали ему проходу на гуляниях. Его обласкали при дворе и приставили к нему генерал-адъютанта графа Сухтелена, которому поручено было показывать персидскому гостю все замечательное в нашей столице. Хозров-

²⁷ Конради Ф. Рассуждения о искусственных минеральных водах, с приложением новейших известий о Кавказских минеральных источниках. — СПб., 1831. С. 168—169.

²⁸ Берже Ад. П. Хозров-Мирза // Русская старина. 1879. Т. XXV (май—август). С. 341.

²⁹ Ферсман А. Е. Алмаз «Шах». — Серия «Классики науки». Изд. АН СССР, 1956. С. 466.

Мирза бывал очень часто в Большом театре, и в один спектакль, когда он сидел в средней царской ложе, я, стоя в местах за креслами, набросал карандашом его профильный портрет и после перерисовал его акварелью на кости, довольно порядочно.

Когда я принес этот портрет в театр на репетицию и показал его моим товарищам, все находили, что сходство было необыкновенное...

На следующий день Хозров-Мирза приехал в Большой театр... Портрет был показан принцу, и он был в восхищении. (Литографированные его портреты появились тогда гораздо позже.) Персидский министр и прочие чиновники его свиты ахали, изумлялись; не понимая, конечно, ни на волос художества, они от удовольствия гладили свои длинные волосы и вроде Хаджи-Бабы начали друг за другом повторять «Аллах! маш-Аллах» и положили в свои рты пальцы от удивления.

...Недели полторы спустя прислана была в дирекцию золотая табакерка от принца на мое имя³⁰.

А в Пятигорске начальник войск Кавказской линии Г. А. Емануель, много сделавший для благоустройства молодого курорта, пожелал увековечить память о пребывании здесь Хозрев-Мирзы. В марте 1830 года генерал направил строительной комиссии следующее предписание:

Я бы желал, чтобы на гору Машуху можно провести удобнейшую тропинку для незатруднительного на вершину оной ходу, а потому и полагаю такую тропинку зигзагом, т. е. змейкой, предположить с той стороны с той стороны, откуда я в бытность мою в прошлом лете с его высочеством принцем персидским Хозров-Мирзою спустился к Горячеводску. Сие возложить на г. Иосифа Бернардацци, чтобы он поспешил снять на плане удобнее и ближе, и потом оный предлагаю комиссии на рассмотрение ко мне представить³¹.

Тогда же был сооружен и монумент. Деньги на него, 100 рублей, Емануель внес из своих собственных средств. По проекту талантливого архитектора И. Бернардацци на вершине Машука был воздвигнут памятник, представлявший собой невысокую каменную колонну. К вершине проложили удобную тропу, вдоль которой были расставлены скамьи для отдыха. На памятнике сделали надпись со словами Хозрев-Мирзы:

Добрая слава, оставляемая после себя, лучше золотых палат.
Любезный брат! Мир здешний не останется ни для кого;
Привяжись сердцем к создателю
И не полагайся на блага мирские;
Ибо многих, подобных тебе, Он сотворил и уничтожил.
Хосров-Мирза, 1244 (1829) г.

Текст надписи мы приводим так, как он представлен в большой статье «Хосров-Мирза», принадлежащей перу выдающегося кавказоведа А. П. Берже. Там же можно найти и описание внешности принца во время пребывания его в России: «...он был среднего роста, строен, имел очаровательные глаза и необыкновенно приятную улыбку; держал себя с достоинством, обладал живостью в разговоре, и был замечательно приветлив в обхождении»³².

Встречающиеся в литературе переводы памятной надписи, оставленной в Пятигорске персидским принцем, иногда расходятся в деталях, поэтому считаем нелишним привести еще один ее вариант — из редкой теперь книги Я. Д. Верховца «Садоводство

³⁰ Каратыгин П. Записки. — Л., 1970. С. 161—163.

³¹ Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова. Фонд С. И. Недумова. № 0-2915/1. С. 50 об.

³² Берже Ад. П. Хосров-Мирза // Русская старина. 1879. Т. XXV (май—август). С. 339.

и виноградарство в районе Кавказских Минеральных вод 1825—1850 гг.», рисующей и некоторые другие подробности, связанные с сооружением на вершине Машука необычного мемориала:

Тогда же в 1829—1830 гг. проложена дорога для восхода и въезда на Машук, — вдоль дороги расставлены скамейки для отдохновения, на самой же вершине был поставлен памятник (круглая каменная колонка) в память посещения персидским принцем Хозров-Мирзою. Об этом имеется в деле следующее: Емануель предписал 12 апреля 1829 года Строительной Комиссии «сделать на экономическую сумму на горе Машук памятник с надписью сделанною пер. принцем Хозров-Мирзою; сколько же будет на сие действительно употреблено суммы, имеет оная о том предъявить по окончании отчет». 28 марта 1830 года была составлена смета... по коей определена стоимость сооружения по тогдашним ценам на рабочий (солдатский) труд в 100 рублей. Означенная сумма внесена в кассу Строительной Комиссии г. Емануелем из собственных средств... В сочинении Конради находится в начале книги литографированный вид памятника, состоящий из большой конусообразной насыпи, на вершину которой ведут 14 каменных ступенек, а затем в конце этой же книги в особом приложении приведена имевшаяся на памятнике надпись на персидском языке, с переводом на русский, следующего содержания:

«Добрая слава, оставленная по себе человеком, лучше золотых палат.

Любезный брат, мир здешний не останется ни для кого; не полагайся на царства земные и сей бренный мир; он многих подобных тебе воспитал и уничтожил, посему старайся делать добро.

Хозров Мирза 1244. С Генералом от Кавалерии Емануелем июнь 12 дня 1829 года»³³.

Трудно ожидать от шестнадцатилетнего юноши (пусть даже и маленького принца) столь глубокой философской сентенции, да еще изложенной в поэтической форме. Свет на эту загадку пролил венгерский путешественник Янош Карой Бешш (более известен французский вариант его имени — Жан Шарль де Бесс). Участник экспедиции генерала Емануеля на Эльбрус, он прибыл в Горячеводск (прежнее название Пятигорска) пятнадцатью днями позже Хозрев-Мирзы и уже не застал здесь принца. «Мне говорили, — вспоминает де Бесе, — что этот принц был принят Главнокомандующим соответственно его царскому титулу очень любезно. Как только он пожелал подняться на вершину Машука, Главнокомандующий с многочисленными генералами сопровождал его туда. Увидев Эльбрус и вечные снега, которые выделялись на фоне чистого, сияющего неба, он пожелал оставить память о своем визите на Машук и начертал на скале своею собственной рукой следующее изречение известного поэта Фирдоуси, его мы приводим здесь в переводе:

О, смертные! После нас остается только память о добрых делах, которые мы сделали. Старайтесь творить добро и ваш покой будет безмятежным»³⁴.

Фирдоуси — великий персидский поэт, автор знаменитой поэмы «Шахнаме» (Книга царей), и юный принц, конечно, знал на память многие строки оттуда.

Скажем и о других литературных последствиях, которые имел приезд Хозрев-Мирзы в Россию. В своем «Путешествии в Арзрум» Пушкин упомянул не только его самого, но описал и встречу с сопровождавшим принца придворным поэтом Фазиль-Ханом. Более того, Пушкин посвятил персидскому собрату стихотворение «Благословен твой

³³ Верховец Я. Д. Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных вод 1825—1850 гг. — Пятигорск, 1911. С. 28—29.

³⁴ Де Бесс. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг. — Париж, 1838 (на французском языке. Перевод приведенного отрывка выполнен Е. Л. Сосниной).

подвиг новый». Впоследствии Фазиль-Хан перешел в русское подданство и преподавал восточные языки в Тифлисе. Что касается самого принца, то он стал персонажем двух других произведений русской классики — повестей Н. В. Гоголя «Портрет» и «Нос». В первом случае речь идет о гравированном «портрете Хозрева-Мирзы в бараньей шапке». Фигура иранского гостя в восточном наряде на улицах нашей Северной столицы выглядела довольно необычно, но у Гоголя в «Носе» ситуация как бы перевернута: не принц обращает на себя внимание столичной публики, а сам поражен фантазмагорией, разыгравшейся в Петербурге: «Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, что будто бы он давно уже там; что когда еще проживал там Хозрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы».

В «Воспоминаниях о 1826 годе» упомянул принца и Д. В. Давыдов, изложивший свою оригинальную версию событий, связанных с прибытием посольства в Россию. По его мнению, правитель Ирана Фетх-Али-шах, испугавшись последствий убийства Грибоедова, «решился послать в С.-Петербург значительное лицо для принесения извинений. Так как в Персии все были убеждены, что наше правительство не замедлит предать в свою очередь смерти высланного сановника и его свиту, то решено было избрать для этого предмета Хозрева-Мирзу, который был ничто иное, как чанка или побочный сын шаха. Хозреву-Мирзе, впоследствии ослепленному, сделан был, напротив, у нас в России блестящий прием, на который он по своему рождению не имел никакого права и который явно доказывал, сколь мало у нас были известны обычаи Востока»³⁵.

Да, добрая слава прочнее самого долговечного материала. Не оправдались слова царя о том, что он предаст «вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». Это оказалось не в его силах, и трагическая смерть Грибоедова памятна каждому русскому. Недаром на могиле поэта начертаны слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»

Слова Хозрев-Мирзы, вырезанные на белом машукском камне, не стали пророчеством его собственной судьбы: доброй славы по себе он не оставил. Участь его на родине оказалась печальной: в результате дворцовой интриги он был ослеплен и удален в ссылку. Памятник, посвященный ему, недолго простоял в Пятигорске. Однако и сам визит принца на воды, увенчанный восхождением на вершину Машука, и каменное изваяние, воздвигнутое в память об этом событии, вызывали живой интерес современников. Мы можем судить об этом по многочисленным свидетельствам и замечаниям, встречающимся в путевых записках, дневниках, очерках, а иногда и серьезных научных трудах и составляющих настоящую хронику этого необычного сооружения. Так, Аркадий Андреевский, посетив Пятигорск в 1841 году, сообщал, что персидские стихи «красиво вырезаны на доске монумента. От подножия его лучше видна живописная вершина Эльбруса»³⁶. Побывавший тогда же на Машуке Н. Ф. Туровский обратил внимание на нашу извечную привычку оставлять повсюду свои имена: «На самой вершине Машука, на небольшой площадке, возвышается столб; на нем множество имен, надписей, стихов; тут же простодушная надпись Хозрев-Мирзы: „Добрая слава, оставленная по себе человеком, лучше золотых палат“ и пр. Как нежно рассуждают эти звери, а спросить бы у правоверных братьев: не болят ли у них пятки»³⁷. Как видим, путешественник не удержался от ироничного замечания в адрес наших южных соседей, у которых экзекуции по давнему обычаю производятся ударами палки по пяткам.

³⁵ Давыдов Д. В. Сочинения. — СПб., 1893. Т. 2. С. 198.

³⁶ Андреевский Аркадий. Пятигорск и Кавказские минеральные воды в июле 1841 // Библиотека для чтения. 1841. Т. 48. С. 59.

³⁷ Туровский Н. Ф. Дневник поездки по России в 1841 году // Русская старина. 1913. Сентябрь. С. 501.

Спустя еще несколько лет, по свидетельству Алексея Вышеславцева, картина изменилась к худшему: «Принц написал на памятнике два мудрых изречения и вслед за ним явились и являются и поныне сотни других надписей, не совсем мудрых, написанных вероятно теми самыми, которые хотели обессмертить себя, начертав свое имя на скамье у Эоловой арфы»³⁸. Наконец, и знаменитый исследователь целебных ключей Пятигорья Ф. А. Баталин, кратко передав историю памятника, грустно констатировал в книге, вышедшей в 1861 году, что «от этого монумента ныне не осталось и следов»³⁹.

«Могучий мститель злых обид»

Иван Федорович Паскевич (1782–1856) стал четвертым и последним из русских полководцев, удостоенных всех четырех степеней ордена Святого Георгия. Его ратный путь был так долог, что он служил четырем царям. Ему посвящали стихи Жуковский и Пушкин. Его блестящие титулы потускнели от времени, теперь о них редко вспоминают, а когда-то его полное имя звучало следующим образом: генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, генерал-инспектор всей пехоты, шеф пехотного и егерского его имени полков, наместник в Царстве Польском, член Государственного совета светлейший князь Иван Федорович Паскевич-Варшавский, граф Паскевич-Эриванский. В течение пяти лет он был связан с Кавказом, заключая здесь в своих руках всю полноту военной и гражданской власти.

Паскевич происходит из древнего и богатого украинского рода. Он получил воспитание в Пажеском корпусе, откуда был выпущен поручиком лейб-гвардии Преображенского полка и тогда же назначен флигель-адъютантом императора Павла.

Боевой опыт Паскевича открывается с началом в 1806 году самой продолжительной из всех войн, которые Россия вела против Турции. На этот раз — с целью освобождения из-под турецкого гнета балканских христиан и присоединения Валахии и Молдавии. Паскевич отличился при взятии Базарджика, под Варной и Батыном. Пять лет под турецким огнем принесли ему опыт, пригодившийся потом в азиатских войнах.

Отечественную войну тридцатилетний генерал встретил в звании командира 26-й пехотной дивизии, почти целиком polegшей на Бородинском поле. Паскевич участвовал в боях под Салтановкой, Смоленском и Вязьмой, а потом в «Битве народов» под Лейпцигом и во взятии Парижа.

В последние годы царствования Александра I он получил под свое начало гвардейскую дивизию, бригадами которой командовали великие князья Николай и Михаил. Первый из них, уже будучи государем, называл Паскевича «отцом-командиром» и питал к нему безграничное доверие: по вступлении на престол Николай вызвал Паскевича (тогда уже генерал-адъютанта и командира I пехотного корпуса) в Петербург для участия в суде над декабристами. В 1826 году, когда наследник персидского шаха Аббас-Мирза с огромным войском вторгся в российские пределы, царь отправил Паскевича на Кавказ, где в победоносных войнах с Персией и Турцией тот достиг вершин своего полководческого искусства. Аббас-Мирза был разбит под Елизаветполем (Ганджой), Паскевич взял Эривань, чего не смогли сделать до него ни Цицианов, ни Гудович. По словам Хачатура Абовяна, «разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян»⁴⁰. Потом взял Тавриз, а в войне с турками — Карс, Ахалкалаки, Ахалцих и Баязет. Разгромив две турецкие армии на Саганлуге, он занял и Арзрум.

³⁸ В-в А-й (Вышеславцев Алексей). Три письма о Пятигорске. — Сборник газеты «Кавказ». Второе полугодие 1847 года. Тифлис, 1848. С. 134.

³⁹ Баталин Ф. Пятигорский край и Кавказские минеральные воды. — СПб., 1861. Ч. 1. С. 30.

⁴⁰ Георгиевские кавалеры. 1796–1850. — М.: Патриот, 1993. Т. 1. С. 506.

Он обещал царю (в противоположность ермоловской стратегии) одним решительным ударом сломить сопротивление горцев и покорить Кавказ, но, читаем в исторических хрониках, «не только не покорил его, но отодвинул покорение на целые 30 лет»⁴¹. В 1831 году Паскевич был отозван с Кавказа в Польшу.

В дальнейшем он участвовал в подавлении восстания Кошута в Венгрии и в Крымской войне (на дунайском театре) и, как считают, «по старой памяти пользовался чуть не безграничным военным авторитетом, но... давно уже пережил свою славу и еще во время Венгерской войны 1849 года выказал склонность к преувеличенной осторожности... Военный авторитет его был подорван»⁴².

В 1796 году, в ходе турецкой войны, Екатерина II основала орден Святого великомученика и победоносца Георгия, предназначенный для награждения воинских чинов «за храбрость, ревность и усердие к воинской службе и для поощрения в военном искусстве». Орден имел четыре степени; знаками его служили белый эмалевый крест и золотая прямоугольная звезда с девизом «За службу и храбрость», принадлежавшая двум высшим степеням.

Награждение Георгиевским крестом считалось чрезвычайно почетным, но и цена такой награды была очень высока. За всю историю ордена полными георгиевскими кавалерами стали только четыре человека: М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, И. И. Дибич и И. Ф. Паскевич.

Четвертую и третью степени ордена Паскевич заслужил в боях с турками при штурме Базарджика и под Варной. За взятие Эривани получил вторую и был возведен в графское достоинство с титулом Эриванский, за Арзрум — первую степень.

Взятие Аббас-Абада принесло полководцу орден Святого Владимира первой степени, а заключение мира с персами — миллион рублей ассигнациями из взятой контрибуции. «Персидский шах, в свою очередь, — сообщает военный историк В. А. Потто, посвятивший походам Паскевича два тома своей знаменитой „Кавказской войны“, — прислал Паскевичу алмазные знаки ордена Льва и Солнца на бриллиантовой цепи, ценной в шестьдесят тысяч рублей, чтобы этот орден наследственно переходил в фамилии Паскевича»⁴³.

За турецкую войну Паскевич получил бриллиантовые знаки первого (по времени и по значению) ордена империи, учрежденного еще Петром I, — Святого Андрея Первозванного. Такие украшения составляли высшую степень ордена. К этому следует добавить чин генерал-фельдмаршала и звание шефа Ширванского полка, которому «в память знаменитого ахалцихского штурма повелено было именоваться полком графа Паскевича Эриванского»⁴⁴. Такое звание было тем более значительно, что еще в 1799 году Ширванский (тогда он назывался мушкетерским Кабардинским) полк оказался одним из двух первых русских полков, проникших за твердыни Кавказа, когда, по словам Пушкина, «брега Арагвы и Куры узрели русские шатры». О Ширванском полке Пушкин упоминает в черновиках поэмы «Домик в Коломне» («Видали ль в Персии Ширванский полк?»). Поэма была написана вскоре по возвращении поэта с Кавказа, где Пушкин, находясь в войсках Паскевича, мог видеть ширванцев в деле.

Закавказские победы громким эхом отозвались в столице империи. В одном из писем к фельдмаршалу Грибоедов приводит свежее свидетельство об этом своего петербургского приятеля: «Вот вам депеша Булгарина об вас, можете себе представить как это меня радует:

⁴¹ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. — Тифлис. С. 27.

⁴² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А., издатели. Энциклопедический словарь. — СПб., 1897. Т. XXII А. Кн. 44. С. 920.

⁴³ Потто В. А. Кавказская война. — Ставрополь: Кавказский край, 1993. Т. 3. С. 479.

⁴⁴ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. — Тифлис. С. 27.

Граф Паскевич-Эриванский вознесся на высочайшую степень любви народной. Можно ныне смело сказать, что он, победив турок, победил и своих завистников. Общественный голос в его пользу. Генералитет высший, генерал-адъютанты, офицеры, дворянство, чиновники, литераторы, купцы, солдаты и простой народ повторяют хором одно и то же: „Молодец, хват Эриванский! Вот русский генерал! Это суворовские замашки! Воскрес Суворов! Дай ему армию, то верно взял бы Царьград!“ и т. п.

Повсюду пьют за здоровье Эриванского: портреты его у всех. Я еще не помню, чтобы который-нибудь из русских генералов дождался до такой славы. Энтузиазм к нему простирается до невероятной степени...»⁴⁵

Знаменитый русский скульптор и медальер Федор Петрович Толстой создал ряд памятных медалей, посвященных подвигам наших войск в походах Паскевича в Турции и Персии. На медали в память взятия Тавриза 13 октября 1827 года — группа персидских старшин в длинных восточных одеждах, почтительно приближающихся к русскому витязю-победителю; в одной руке он держит копьё, в другой круглый славянский щит с изображением двуглавого орла.

Взятие Варшавы покрыло нашего героя новыми лаврами: государь возвел его в княжеское достоинство с титулом светлейшего и назначил наместником Царства Польского.

В 1850 году на Уяздовском плацу в Варшаве перед застывшими рядами войск Николай лично вручил ему новый, осыпанный бриллиантами фельдмаршальский жезл с гравированной надписью: «За пятидесятилетнюю службу генерал-фельдмаршалу Паскевичу-Эриванскому».

Портрет Паскевича, как и других героев Отечественной войны 1812 года, помещен в Военной галерее Зимнего дворца.

Паскевич был женат на двоюродной сестре Грибоедова и помог ему выйти с почетным аттестатом из-под следствия по делу о 14 декабря. При Паскевиче Грибоедов достиг своей дипломатической вершины: он оформил Туркманчайский мирный договор с Персией, то есть документально закрепил то, чего Паскевич добился силой оружия.

И все же в историю русской литературы Паскевича вписал другой Александр Сергеевич. Это сделал Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Одни приняли эту книгу как сатиру, другие находили, что Пушкин проделал столь долгий путь, «чтобы воспеть подвиги своих соотечественников». Отвергая и то и другое, поэт замечает в предисловии к «Путешествию»: «Я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание».

В войсках Паскевича Пушкин провел более месяца и присутствовал при сдаче турками Арзрума. «Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий, — пишет поэт. — Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствования вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении». На сабельном клинке была сделана надпись: «Арзрум, 18 июля 1829».

Имя Паскевича встречается в путевом дневнике поэта и в письме с Кавказа Федору Толстому-Американцу («Теперь прею в Тифлисе, ожидая разрешения графа Паскевича»).

Менее известно другое. В 1831 году, во время польского восстания, Паскевич взял Варшаву. Это событие пришлось на день Бородинского сражения — 26 августа. И Пушкин написал стихотворение «Бородинская годовщина», в котором две лестные строфы посвятил Паскевичу:

⁴⁵ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. — Пг., 1917. Т. 3. С. 239.

Победа! Сердцу сладкий час!
 Россия! Встань и возвышайся!
 Греми, восторгов общий глас!..
 Но тише, тише раздавайся
 Вокруг одра, где он лежит,
 Могучий мститель злых обид,
 Кто покорил вершины Тавра,
 Пред кем смирилась Эривань,
 Кому суворовского лавра
 Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
 Суворов видит плен Варшавы;
 Вострепетала тень его
 От блеска им начатой славы!
 Благословляет он, герой,
 Твое страданье, твой покой,
 Твоих сподвижников отвагу,
 И весть триумфа твоего,
 И с ней летящего за Прагу
 Младого внука своего.

То, что было понятно современникам Пушкина, сегодня требует пояснений. Призыв к тишине «вокруг ора, где он лежит», и слова о страдании связаны с тем, что во время сражения Паскевич был контужен. Тавр — горная система в Турции, где наши кавказские полки завершили свой победоносный поход. Упоминание же великого Суворова, несомненно, должно было польстить Паскевичу и здесь не случайно, так как Пушкин напоминает о взятии Варшавы Суворовым в 1794 году, когда основной бой шел за Прагу — предместье польской столицы. Донесение о своей победе Паскевич отправил в Петербург с внуком Суворова.

Что касается выражения «тройная брань», то объяснение ему дает сам Пушкин — в письме к Н. И. Ушакову, где называет Паскевича «покорителем Эривани, Арзрума и Варшавы», подчеркивая тем самым три его главные победы.

«Бородинская годовщина» вместе со стихотворением «Клеветникам России» вышла отдельной брошюрой под названием «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». Там же помещена была и «Русская песнь на взятие Варшавы» Жуковского, о которой тоже надо сказать несколько слов.

Стихотворение имеет поясняющий подзаголовок: «На голос: Гром победы, раздавайся!», что сразу настраивает на торжественно-патриотический лад (и невольно заставляет вспомнить о Жуковском как авторе гимна «Боже, царя храни»). Несколько строк адресованы непосредственно Паскевичу:

Спи во гробе, Забалканский!
 Честь тебе! Стамбул дрожал!
 Путь твой кончил Эриванский
 И на грудь Варшавы стал.

«Эриванский! Князь Варшавы!»
 Клик один во всех устах.
 О, как много русской славы
 В сих волшебных именах!

За Араксом наши грани;
Арарата чудный плен,
И орлы средь Эривани
И разгром варшавских стен...

Последнее четверостишие иногда встречается на старинных гравюрах с портретом Паскевича, которых было выпущено великое множество. Забалканский — фельдмаршал граф Иван Иванович Дибич. В то время как Паскевич сражался с турками в Закавказье, он командовал нашей армией на европейском театре и совершил с войсками переход через Балканы, чем заслужил свой почетный титул. Николай послал его со стотысячной армией для подавления польского восстания, но в мае 1831 года Дибич умер от холеры. Тогда на его место с Кавказа и был вызван Паскевич. Пограничная река Аракс, русские «орлы средь Эривани» и «разгром варшавских стен» — поэтические символы персидских, турецких и польских побед этого полководца.

Брошюру со стихами Жуковский послал Паскевичу, и тот в ответном письме благодарил поэтов: «2 окт., 1831, Варшава. Прошу Вас принять мою благодарность за присланные строфы и сообщить таковую же Александру Сергеевичу Пушкину, столь много обязавшему меня двумя отличными своими сочинениями. По желанию Вашему я имел счастье передать Его Имп. Высочеству один экземпляр полученных стихов»⁴⁶.

Несколько лет спустя официальный военный историк Н. И. Ушаков выпустил книгу «История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах». Пушкин прочел ее с жадностью. Обнаружив в примечаниях собственное имя (говорилось об участии поэта в перестрелке), он тут же набросал письмо ее автору, полное иронии по отношению и к нему самому и к его герою — графу Паскевичу: «Отныне имя покорителя Эривани, Арзрума и Варшавы соединено будет с именем его блестящего историка. С изумлением увидел я, что вы и мне даровали бессмертие — одною чертою вашего пера. Вы впустили меня в храм славы, как некогда граф Эриванский позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум...» Сам Пушкин хотел стать историком другого русского полководца — А. П. Ермолова.

В примечаниях к седьмой главе «Истории Пугачева» поэт, поместив краткий отзыв о генерале И. И. Михельсоне, не преминул отметить, что именно «под его начальством находился в начале славной службы своей князь Варшавский».

Получив известие о смерти Пушкина, Паскевич следующим образом отозвался о нем в письме к Николаю I: «Жаль Пушкина как литератора, в то время когда его талант созревал, но человек он был дурной»⁴⁷.

Властный и злопамятный, вспыльчивый до гнева, а во гневе — безобразно грубый и крикливый, Паскевич нажил себе немало врагов. Весьма чувствительно претерпел от его произвола декабрист Александр Бестужев, переведенный из сибирской ссылки рядовым в войска Кавказского корпуса. Он участвовал в штурме турецкой крепости Байбурт и через пролом в стене первым ворвался в город, рассчитывая отвагой выбить себе прощение и офицерский чин. Но по окончании кампании Паскевич вместо этого просто выслал его из Тифлиса в Дербент, в линейный батальон, обрекая на годы беспроектной солдатчины.

В письмах с Кавказа Бестужев излил всю злость и горечь, вызванные отношением к нему фельдмаршала, и даже назвал его причину: «Паскевич при этом случае поступил со мной не скажу жестоко — но просто бесчеловечно, — сообщает он Николаю Полевому. — Я был вдруг схвачен с постели больной и в один час выпровожен верхом,

⁴⁶ Русский архив. 1875. № 3. С. 368—369.

⁴⁷ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. — Л., 1988. С. 322.

зимой, без денег и теплой одежды... И потом он преследовал меня тайными приказами, веля употреблять ежедневно на службе, во все тяжкие... Казалось, он хотел выместить памяти Грибоедова за то, что тот взял с него слово мне благодетельствовать, даже выпросить меня из Сибири у государя...»⁴⁸

Упомянув Паскевича как «глупейшего и счастливейшего из военных дураков», Бестужев критически отозвался и о его плане покорения горцев: «Паскевич нахвастал много, хотел в один день и в один час с 10 пунктов войти в горы и вдруг покорить их... он только разбудил их. Потерял сам кучу людей и ушел восвояси... Если вспомнить, что делали Котляревский и Ермолов с сотнями, то сравнение невыгодно будет для настоящего».

С восшествием на престол Николая I вернулся на военную службу герой-партизан Денис Давыдов. Он тотчас получил прекрасный шанс отличиться — император послал его в Грузию, на войну с персами. «Приехав туда, — замечает Давыдов в одном из писем другу, — я сделал то, что препоручено мне было сделать, подобно господину Паскевичу, побил и выгнал неприятеля из Грузии, но более его вошел в границы Персии... У вас, может быть, он еще героем слывет, и Елисаветпольское дело неизвестно, а в Грузии оно чисто и ясно: Вельяминов и Мадатов все сделали. Паскевич только имя свое приложил к делу»⁴⁹.

Давыдов считал, что Паскевич несправедлив к нему. После удаления с Кавказа Ермолова он и сам, незатейливо ссылаясь на неблагоприятную перемену климата, стал добиваться перевода в Россию, не желая больше оставаться наедине с сановными лицами, «хотя не лишены некоторых блистательных военных качеств, но презренными по душевным свойствам, ничтожными по своему невежеству и невыносимыми по бессмысленному высокомерию».

Ермолов и Паскевич не ладили еще со времен похода русских войск во Францию. Теперь же мстительный Паскевич не упустил случая поквитаться: именно он сыграл роковую роль в удалении с Кавказа Ермолова, умело подпитывая недоверие императора к последнему. Вот как об этом пишет историк В. А. Потто:

Паскевич прибыл в Тифлис, облеченный обширными полномочиями. Едва ли справедливы известия, что государь дал ему право объявить Ермолову о его смещении и самому занять его место; здесь, вероятно, современники смешивают Паскевича и Дибича. Но не подлежит сомнению, что государь был встревожен неудачами, говорил Паскевичу, что тот встретит Ермолова, быть может, уже на Кавказской линии, и под влиянием этой тревоги дал Паскевичу обширные полномочия и право писать обо всем непосредственно ему.

И Паскевич широко воспользовался этим правом.

Облеченный конфиденциально чрезвычайной властью, он видел в Ермолове падающего соперника. Ермолов, со своей стороны, отлично понимал это и смотрел на Паскевича, как на случайного временщика, старавшегося возвыситься за его счет... Естественно, что отношения между Ермоловым и Паскевичем сразу установились натянутые, а после Елисаветпольской победы, в которой неприятеля не «попугали» только, а разбили начисто, они окончательно испортились. Паскевич мог теперь открыто поставить перед государем вопрос о действиях Ермолова. Ермолов же, казалось, самими обстоятельствами обвинялся в бездействии и ошибках, как бы опровергнутых действиями Паскевича, и не мог ничего сказать против фактов...

Раздражительный характер Паскевича заставлял его всюду видеть себе недоброжелателей, и он писал Дибичу, что ему нельзя оставаться с Ермоловым, «с самым

⁴⁸ Здесь и далее: Бестужев-Марлинский А. А.: Сочинения в 2 т. — М.: ГИХЛ, 1958. Т. 2. С. 639, 641, 638.

⁴⁹ Здесь и далее: Давыдов Д. В. Сочинения. — СПб., 1893. Т. 3. С. 166, 169.

злым и хитрым человеком, желающим даже в реляциях затмить его имя...» «Государь император, — писал он, — найдет другого, который угодит Ермолову, а я не могу, он будет мешать всем моим операциям, отчего все военные действия могут остановиться...» И Паскевич просил доложить государю о своем желании быть вызванным в Петербург. Он предлагал, другими словами, выбирать между ним, победителем под Елизаветполем, и Ермоловым, которого он так чернил...⁵⁰

Не поладил Паскевич и с героем Карса — Н. Н. Муравьевым, будущим наместником Кавказа, а в то время — начальником штаба Кавказского корпуса. «...Какая-то адская сила туту мешается, — писал об этом Грибоедов. — Между ними весьма часты сильные размолвки: один кричит, другой дуется, а моя глупая роль мирить их. Однако я вам не поручусь, чтобы в один прекрасный день они не рассорились навсегда»⁵¹.

Паскевич добился увольнения из Кавказского корпуса заслуженных боевых командиров А. А. Вельяминова, Н. Н. Раевского, В. Д. Вольховского. Оскорбленный им, подал в отставку А. Г. Чавчавадзе (отец Нины Грибоедовой). При нем был выслан сотник В. Д. Сухоруков — историк и публицист, восхищавший Пушкина.

В разговоре с Пушкиным о победах Паскевича Ермолов заметил, что они одержаны слишком дорогой ценой. «Можно было бы сберечь людей и издержки», — сказал он. Сберечь людей... Может быть, поэтому Ермолова так любили в кавказских войсках. Вспомним, как приосанился лермонтовский Максим Максимыч, упомянув о своей службе «при Алексее Петровиче». Паскевич, имевший все высшие награды империи, такой любви удостоен не был.

Глядя с исторического выскока, мы можем относиться к Паскевичу как угодно. Мы не можем только отменить ни его заслуг, ни его наград. Гордый своими победами, Паскевич заявлял: «...езде Россия, где властвует русское оружие»⁵². Он, как никто из российских полководцев, углубился далеко на юг: в Персии взял Тавриз, а в Турции его полки достигли берегов Евфрата, и казаки напоили коней из библейской реки. Персия с той поры более никогда не пыталась тягаться с Россией силой оружия.

Во времена Паскевича человеку покорились и две главные вершины Кавказа — Эльбрус и Арарат. На библейской горе первовосходитель профессор Иоганн Фридрих Паррот водрузил крест с прибитой к нему свинцовой доской с надписью: «В царствование Николая Павловича, Самодержца Всероссийского, сие священное место вооруженной рукой приобретено христианскому исповеданию графом Иваном Федоровичем Паскевичем-Эриванским, в лето от Рождества Христова 1829»⁵³.

Оставил свой след фельдмаршал и в истории Пятигорска.

Когда-то давно, еще в начале XIX века, среди чиновного люда имел распространение слух, что место для окружного Георгиевска выбрано крайне неудачно: «Из опытов прежних лет и настоящего времени известно, что болезни, ежегодно бывающие в г. Георгиевске и необыкновенная мертвенность всегда свидетельствовали о убийственном в оном городе климате...»⁵⁴ В свое время такого же мнения придерживался и А. П. Ермолов. «При обозрении линии, — замечает генерал в своих кавказских записках, — со вниманием рассматривал я окрестности города Ставрополя, ибо со временем намереваюсь я перенести туда губернский город и оставить Георгиевск как место самое губительное для всех живущих в нем...»⁵⁵

⁵⁰ Потто В. А. Кавказская война. — Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 656, 660.

⁵¹ Там же. — Ставрополь, 1993. Т. 3. С. 269.

⁵² Там же. С. 271.

⁵³ Там же. — Ставрополь, 1994. Т. 5. С. 395—396.

⁵⁴ Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. — Ставропольское книжное издательство, 1974. С. 30.

⁵⁵ Записки А. П. Ермолова. 1798—1826 гг. — М.: Высшая школа, 1991. С. 303.

Намерение свое Ермолов выполнил, а вскоре Георгиевск лишился и окружного статуса. Начальник Кавказской линии Г. А. Емануель решил перенести присутственные места на Горячие Воды. Ходатайствуя об этом перед Паскевичем, он предложил дать новому окружному городу одно из трех названий: Новогеоргиевск, Константиногорск или Пятигорск. Паскевич выбрал последнее, о чем и уведомил Емануеля в ответном послании: «Что касается до наименования нового города из трех предполагаемых вами дать одному название Пятигорск, по уважению, что гора Бештов, к подошве которой прилегает предназначенное для сего города место, известна под сим именем и в древних Российских летописях»⁵⁶.

В 1830 году Правительствующий Сенат освятил этот выбор фельдмаршала своим указом. В том же году Паскевич перенес свою ставку в Пятигорск, намереваясь отсюда руководить покорением горцев. Но из-за начавшейся эпидемии холеры ставка вскоре город покинула.

...В Петербурге, на Мойке, у себя в доме Пушкин хранил дорогие сердцу предметы, напоминавшие ему Кавказ. Любимую картину — единственную, которою он украсил свой кабинет, — «Дарьяльское ущелье» Никанора Чернецова и кривую турецкую саблю — подарок Паскевича.

⁵⁶ Гос. музей-заповедник М. Ю. Лермонтова. Фонд С. И. Недумова. № 0-2915/9. Л. 16 об.